

ГОЛУБОЙ ЗАМОК

Люси Мод Монтгомери

16+

Люси Монтгомери
Голубой замок

«ЛитРес: Самиздат»

1926

Монтгомери Л. М.

Голубой замок / Л. М. Монтгомери — «ЛитРес: Самиздат», 1926

ISBN 978-5-532-93652-2

Канадская писательница Люси Мод Монтгомери известна своими книгами о детях и для детей: «Энн из Зеленых Крыш», «Эмили из Молодой Луны» и т.д. «Голубой замок» — первая книга, которую автор написала для взрослых. В свои двадцать девять лет Валенси Стирлинг никогда никого не любила и не верит, что когда-либо это случится. Ее жизнь в доме властной матери и вездесущей тетушки скучна и монотонна. Она находит отдушину в чтении книг Джона Фостера и в своих фантазиях о Голубом замке. Шокирующий диагноз, поставленный доктором Трентом, переворачивает ее жизнь. Впервые на русском языке.

ISBN 978-5-532-93652-2

© Монтгомери Л. М., 1926

© ЛитРес: Самиздат, 1926

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	12
Глава IV	15
Глава V	17
Глава VI	20
Глава VII	23
Глава VIII	27
Глава IX	32
Глава X	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Люси Монтгомери

Голубой замок

Глава I

Если бы то майское утро не выдалось дождливым, вся жизнь Валенси Стирлинг сложилась бы иначе. Она вместе с семьей отправилась бы на пикник тети Веллингтон по случаю годовщины ее помолвки, а доктор Трент уехал бы в Монреаль. Но был дождь, и сейчас вы узнаете, что произошло из-за этого.

Валенси проснулась рано, в безжизненный, безнадежный предрассветный час. Она плохо спала. Если вам завтра исполняется двадцать девять лет, вы не замужем и живете в обществе и семье, где незамужние – это те, кто не сумел заполучить мужчину, неудивительно, если вам плохо спится.

Дирвуд и Стирлинги давно отнесли Валенси к безнадежным старым девам. Но саму Валенси никогда не покидала пусть жалкая, стыдливая, маленькая, но надежда, что романтическая история еще ожидает ее – вплоть до этого ужасного дождливого утра, когда она проснулась, осознав, что ей двадцать девять лет, и она не нужна ни одному мужчине.

Да, именно эта мысль ужалила её. Валенси не слишком переживала из-за своего положения. Более того, она считала, что быть старой девой отнюдь не хуже, чем женой дяди Веллингтона или даже дяди Герберта. Ей терзало то, что у нее никогда не было выбора. Ни один мужчина никогда не желал ее.

Она лежала одна в бледно-сером сумраке, едва сдерживая слезы. Она не отважилась заплакать так, как хотелось, по двум причинам. Она боялась, что плач может вызвать новый приступ боли в сердце. Приступ случился, когда она легла спать – худший из всех прежних. И боялась, что за завтраком мать заметит её красные глаза и замучает настойчивыми, словно комариные укусы, расспросами, пытаясь выяснить причину.

«Предположим, – подумала Валенси, мрачно усмехнувшись, – я скажу чистую правду: “Я плачу, потому что не могу выйти замуж”. В каком ужасе будет мама, хоть она всю жизнь и стыдится дочери-старой девы».

Но, разумеется, нужно притворяться. «Нет, – Валенси почти услышала строгий диктаторский голос матери, – *девушкам* не положено думать о *мужчинах*».

Возникшая в мыслях картина вызвала смех – у Валенси имелось чувство юмора, о чем никто из семейства и не подозревал. По правде говоря, у Валенси было множество интересных качеств, о которых также никто не подозревал. Но этот смех был не весел, она лежала, маленькая и потерянная, слушая дождь, шумящий за окном, с болезненным отвращением наблюдая, как бездушный утренний свет вползает в ее неудобную комнату.

Она знала уродство этой комнаты наизусть – знала и ненавидела. Выкрашенный в желтый цвет пол, отвратительный «вязанный крючком» коврик у кровати, с гротескным вязаным псом, который вечно скалился на нее по утрам. Выцветшие темно-красные обои; потолок с подтеками и трещинами; маленький узкий, неудобный умывальник; коричневый ламбрекен с фиолетовыми розами; треснувшее поперек старое заляпанное зеркало на дряхлом туалетном столике; банка с древними ароматными травами, собранными матерью в ее мифический медовый месяц; обклеенная ракушками шкатулка с отбитым углом, сделанная кузиной Стиклз в её столь же мифическом детстве; украшенная бусинами подушечка для иголок – половина бусин была потеряна; жесткий желтый стул и выцветший от старости девиз: «Ушедшие, но не забытые», вышитый разноцветной пряжей над сморщенным лицом прабабушки Стирлинг; старые фотографии древних родственников, перемещенные из нижних комнат. Литография с

изображением щенка, сидящего на крыльце под дождем. Эта картинка всегда вызывала грусть. Бедный маленький песик на ступеньке под дождем! Почему *никто* не открыл дверь и не впустил его? Вылинявшее паспарту обрамляло фото королевы Луизы, спускающейся по лестнице. Эту картинку тетя Веллингтон щедро подарила Валенси на десятый день рождения. Девятнадцать лет она смотрела на нее и ненавидела эту красивую, чопорную, самовлюбленную королеву Луизу. Но так никогда и не осмелилась уничтожить или хотя бы убрать её. Мама и кузина Стиклз рассердились бы или – как Валенси неуважительно представляла в мыслях – закатили бы истерику.

Впрочем, все комнаты в доме были столь же уродливы. Лишь внизу соблюдались приличия. Для мест, которых никто не видел, не хватало средств. Валенси иногда думала, что могла бы сама что-то сделать в своей комнате, даже не имея денег, если бы ей это позволили. Но мать отвергала любое ее робкое предложение, а Валенси не настаивала. Она никогда не настаивала. Она боялась. Ее мать не допускала возражений. Миссис Стирлинг, если была обижена, могла дуться день за днем с видом оскорбленной герцогини.

Единственное, что нравилось Валенси – она могла оставаться здесь в одиночестве по ночам, плача, если ей того хотелось. Но, в конце концов, какая разница, уродлива ли комната, которой ты пользуешься лишь для сна и одевания? Валенси никогда не позволяли побыть одной, какой бы ни была причина. Люди, которые хотят остаться в одиночестве, как считали миссис Фредерик Стирлинг и кузина Стиклз, желают этого лишь для некой зловещей цели. Но её комната в Голубом замке была именно такой, какой должна быть. Валенси, которую пасли, подавляли, игнорировали и оскорбляли в жизни, привыкла погружаться в прекрасные мечты. Никто из клана Стирлингов или его ответвлений не подозревал об этом, а меньше всех – ее мать и кузина Стиклз. Они не знали, что у Валенси есть два дома: уродливая красная кирпичная коробка на улице Вязов и Голубой замок в Испании.

Валенси жила в этом воображаемом замке с тех пор, как себя помнила. Она была совсем крошкой, когда обнаружила, что он существует. И всегда, закрыв глаза, она ясно видела его укутанные в чарующую бледно-голубую дымку башенки и знамена над заросшей соснами горой, на фоне закатного неба прекрасной незнакомой страны. Все здесь было удивительно и красиво.

Драгоценности, достойные королев, драпировки из огня и лунного света, кушетки, украшенные розами и золотом. Длинные пролеты невысоких мраморных ступеней. Прекрасные белые вазоны и стройные, легкие как тени, горничные, бегающие вверх и вниз. Дворы с мраморными колоннами, где журчат фонтаны, и соловьи поют среди миртов. Залы с зеркальными стенами, отражающими только прекрасных рыцарей и только чудесных женщин – и ее, разумеется, самую очаровательную, за чей взгляд умирали мужчины. Надежда, что ночью она уйдет в свою мечту, поддерживала ее в скуке дней. Большинство, если не все Стирлинги, умерли бы от ужаса, узнай они хоть малую долю того, чем занималась Валенси в своем Голубом замке.

Во-первых, у неё было несколько возлюбленных. О, разумеется, не все одновременно, а только один. Тот, что добивался ее со всем романтическим пылом века рыцарства и покорял после долгой преданности и многих безрассудных свершений, и их венчание происходило в великолепной украшенной знаменами церкви Голубого замка.

В её двенадцать этим возлюбленным был честный парень с золотыми кудрями и небесно-голубыми глазами. В пятнадцать он стал высоким, темноволосым и бледным, но, разумеется, красивым. В двадцать – аскетичным, мечтательным и возвышенным. В двадцать пять у него появились чисто выбритый подбородок, легкая усмешка, а лицо стало скорее грубым и суровым, чем красивым. В своём замке Валенси всегда оставалась двадцатипятилетней, но недавно, совсем недавно, её герой заполучил рыжеватые волосы, кривую усмешку и загадочное прошлое.

Я не утверждаю, что Валенси умышленно убивала своих возлюбленных, когда вырастала из них. Просто, когда появлялся следующий, предыдущий просто исчезал.

Но в это судьбоносное утро Валенси не могла найти ключ от своего Голубого замка. Жизнь слишком сильно придавила её, таякая возле ног, как маленькая взбесившаяся собачонка. Ей было двадцать девять, она была одинока, нежеланна, нелюбима – скромная девушка в большом клане, без прошлого и будущего. Оглянувшись назад, она видела лишь серую, бесцветную жизнь без единого малинового или багрового пятнышка. Впереди все казалось таким же – она была лишь увядшим листом, прилипшим к замерзшей ветви. Момент, когда женщина осознает, что ей не для чего жить, – нет ни любви, ни долга, ни цели, ни надежды – имеет горький привкус смерти.

«Но мне придется продолжать, потому что я не могу просто взять и остановиться. Возможно, придется прожить до восьмидесяти лет, – подумала она почти в панике. – Мы все – жуткие долгожители. Меня тошнит при одной мысли об этом».

Она была рада, что идет дождь, точнее, она была глубоко удовлетворена, что идет дождь. В этот день не будет пикника. Этот ежегодный пикник, когда тетя и дядя Веллингтоны (их упоминали именно в такой последовательности) неизменно, как и тридцать лет назад, праздновали свою помолвку, в последние годы стал для Валенси кошмаром. По злому совпадению случилось так, что она родилась в ту же дату, и после того, как достигла двадцати пяти, каждый считал своим долгом напомнить ей об этом.

Она ненавидела этот пикник, но ей никогда не приходило в голову протестовать. Казалось, в ее природе не было ничего мятежного. И она точно знала, что скажут ей на этом пикнике. Дядя Веллингтон, которого она не любила и презирала несмотря на то, что он осуществил высшее стремление Стирлингов «жениться на деньгах», спросит хриплым шепотом «Еще не надумала выйти замуж, дорогая?» и удалится с хохотом, которым неизменно заключает свои глупые реплики. Тетя Веллингтон, перед кем Валенси испытывала жалкий трепет, расскажет о новом шифоновом платье Олив и последнем преданном письме Сесила. Валенси должна будет восхищаться и интересоваться как платьем, так и письмом, словно они принадлежали ей, иначе тетя Веллингтон обидится. Валенси давно решила, что лучше обидеть Бога, чем тетю Веллингтон, потому что Бог может простить, а тетя Веллингтон – нет.

Тетя Альберта, невероятно толстая, с приятной привычкой всегда говорить о своем муже «он», словно тот был единственным существом мужского пола на свете, никогда не забывающая, что в молодости была писаной красавицей, посочувствует Валенси по поводу ее желтоватой кожи.

«Не знаю, почему все современные девицы такие загорелые. Когда я была молода, моя кожа была кремово-розовой. Я считалась самой красивой девушкой в Канаде, дорогая».

Возможно, дядя Герберт не скажет ничего – или, может быть, шутливо заметит:

«Как ты растолстела, Досс!» И все засмеются над этой весьма забавной мыслью, что бедная худышка Досс толстеет.

Красивый важный дядя Джеймс, кого Валенси не любила, но уважала, потому что он считался очень умным и поэтому слыл семейным оракулом – мозги не были приоритетом в семействе Стирлингов, – вероятно, заметит с глупым сарказмом, которым заработал свою репутацию: «Полагаю, ты сейчас занята своим приданым?»

А дядя Бенджамин, хрипло посмеиваясь, загадает несколько своих гадких загадок и сам же ответит на них.

«В чем разница между Досс и мышью?»

«Мышь желает поесть масла, а Досс – умаслить Едока»¹.

¹ Здесь и далее каламбуры дяди Бенджамина. *What is the difference between Doss and a mouse? – "The mouse wishes to harm the cheese and Doss wishes to charm the he's."* Данный основан на игре слов: *harm the cheese – charm the he's*.

Валенси слышала эти загадки раз пятьдесят и каждый раз хотела бросить в него чем-нибудь. Но она никогда не делала этого. Во-первых, Стирлинги просто не бросались вещами, во-вторых, дядя Бенджамин являлся богатым и бездетным вдовцом, и Валенси была воспитана в страхе и предостережениях насчет его денег. Если бы она обидела его, он вычеркнул бы ее из своего завещания – предполагалось, что она туда вписана. Валенси не хотела быть вычеркнутой из завещания дяди Веллингтона. Она всю жизнь была бедна и знала унижительную горечь этого. Поэтому она терпела его загадки и даже натужно улыбалась над ними.

Тетя Изабелла, откровенная и неприветливая, как восточный ветер, всегда критиковала ее – Валенси не могла предугадать в чем, потому что тетя Изабелла никогда не повторялась, обычно находя новую цель, чтобы уколоть. Тетя Изабелла гордилась тем, что говорит то, что думает, но ей не нравилось, когда *другие* говорили то, что думают о *ней*. Валенси никогда не раскрывала своих мыслей.

Кузина Джорджиана, названная в честь своей прапрабабушки – а та была названа в честь Георга Четвертого – скорбно перечислит имена родственников, умерших со времени последнего пикника, и поинтересуется «кто из нас будет следующим?»

Угнетающе мудрая тетя Милдред будет бесконечно твердить о своем муже и своих чудодетях, потому что Валенси окажется единственной, кто ее слушает. По той же причине кузина Глэдис – на самом деле двоюродная кузина, согласно строгой системе, по которой Стирлинги распределяли свою родню, – высокая худощавая леди с ранимой душой будет несколько минут описывать свои страдания из-за неврита. А Олив, эта чудо-девушка семейства Стирлингов, имеющая все, чего нет у Валенси – красоту, популярность, любовь, – продемонстрирует эту красоту, дары популярности и бриллиантовый знак любви перед ослепленным, завистливым взглядом Валенси.

Но ничего из этого сегодня не произойдет. Как не будет и упаковки чайных ложек. Это дело всегда возлагалось на Валенси и кухню Стиклз. Но однажды, шесть лет назад, пропала серебряная ложечка из свадебного набора тети Веллингтон. С тех пор Валенси вечно о ней напоминали. Ее призрак, словно Банко², витал над каждым последующим семейным праздником.

О, да, Валенси точно знала, каким был бы этот пикник, и благословляла дождь, спасший от него. В этом году вообще не будет пикника. Если тетя Веллингтон не может устроить его в сей священный день, она не будет праздновать совсем. Спасибо всем богам, которые свершили это.

Валенси решила, если прекратится дождь, пойти в библиотеку и взять следующую книгу Джона Фостера. Ей никогда не позволяли читать романы, но книги Джона Фостера не были романами. Это были «книги о природе» – так библиотекарь сказала миссис Фредерик Стирлинг – «о лесах, птицах, жуках и прочем». Поэтому Валенси разрешили читать их – неохотно, поскольку было очевидно, что книги ей очень нравятся. Позволительно, даже похвально читать то, что улучшает ум и религиозность, но книги, приносящие удовольствие, были опасны. Валенси не знала, улучшается ли ее ум или нет, но смутно ощущала, что, узнай она о книгах Фостера год назад, ее жизнь, возможно, стала бы иной. Ей казалось, что они дарят мимолетные картины мира, где она, вероятно, когда-то бывала, хотя теперь дверь туда закрыта. Книги Джона Фостера появились в библиотеке Дирвуда лишь недавно, но библиотекарь сказала Валенси, что автор известен уже несколько лет.

«Где он живет?» – спросила Валенси.

«Никто не знает. Судя по книгам, он, должно быть, канадец, но больше ничего неизвестно. Его издатели молчат. Вполне вероятно, Джон Фостер – литературный псевдоним. Его

² Банко – генерал, реальное лицо и герой трагедии Шекспира "Макбет". Призрак убитого Макбетом Банко появляется на его пиру.

книги сейчас так популярны, что их сразу разбирают, хотя, честно говоря, не понимаю, что в них находят особенного».

«Я думаю, они чудесны», – тихо сказала Валенси.

«Ну да, – мисс Клаксон покровительственно улыбнулась, как обычно, отплевывая мнение Валенси на свалку. – Не могу сказать, что мне нравятся жуки. Но Фостер, определенно знает о них все».

Валенси не знала, насколько она сама любит жуков. Ее привлекало не удивительное знание Джоном Фостером жизни диких существ и насекомых. Она едва ли могла объяснить свои чувства. Манящая прелесть нераскрытой тайны, тени великих секретов, слабое, иллюзорное эхо прекрасных забытых вещей – магия Джона Фостера не поддавалась определению.

Да, она возьмет новую книгу Фостера. Прошел уже месяц с тех пор, как она прочитала «*Плоды чертополоха*», поэтому мама не сможет возражать. Валенси прочла эту книгу четыре раза и знала каждую главу наизусть.

И... она вдруг подумала, что пойдет к доктору Тренту, чтобы спросить о странной боли в сердце. В последнее время боль повторялась слишком часто, а сердцебиение становилось пугающим, не говоря о головокружении и потерях дыхания. Но как она могла пойти к нему, никому не сказав? Это была очень смелая мысль. Никто из Стирлингов никогда не обращался к врачу, не собрав прежде семейный совет и не получив одобрения дяди Джеймса. Более того, они все лечились у доктора Амброуза Марша из Порт Лоуренса, который был женат на троюродной кузине Аделаиде Стирлинг.

Валенси не нравился доктор Амброуз Марш. Да и добраться самостоятельно до Порт Лоуренса, находящегося в пятнадцати милях от дома, она не могла. Валенси не хотела, чтобы кто-то узнал о ее сердце. Начнется суматоха, вся родня явится сюда, они будут обсуждать, давать советы, предостерегать и рассказывать ужасные истории о пра-тетках и кухнях до седьмого колена, с которыми произошло «нечто подобное, и которые внезапно скончались, моя дорогая».

Тетя Изабелла вспомнит, как всегда твердила, что у Досс могут быть проблемы с сердцем – «такая зажатая и изможденная», а дядя Веллингтон примет это как личное оскорбление: ведь «у Стирлингов никогда не бывало сердечных болезней»; Джорджиана будет громко вещать: «боюсь, что бедная маленькая Досс недолго проживет на этом свете», а кузина Глэдис скажет: «Ну и что, с *моим* сердцем уже *много лет* происходит то же самое» таким тоном, как будто больше ни у кого, кроме нее, нет сердца. А Олив – Олив будет просто красивой, великолепной и отвратительно здоровой, словно заявляя: «Что за суeta вокруг этой чрезмерно увядшей Досс, когда здесь есть я?»

Валенси знала, что не может рассказать никому, да и не стоит. Она была почти уверена, что ничего особо серьезного с ее сердцем не происходит, и лучше избежать суматохи, которую вызовет ее сообщение. Она просто тихонько ускользнет и посетит доктора Трента. А счет оплатит из своих двухсот долларов, положенных ее отцом в банк в день, когда она родилась. Она тайно возьмет деньги, чтобы заплатить доктору Тренту. Ей никогда не позволяли воспользоваться даже процентами.

Доктор Трент был грубоватым, откровенным, рассеянным стариком, но признанным авторитетом по сердечным болезням, хотя и практиковал в пределах Дирвуда. Ему было семьдесят, ходили слухи, что он намеревается уйти на покой. Никто из Стирлингов не лечился у него с тех пор, как десять лет назад он сказал кузине Глэдис, что она выдумала свой неврит и наслаждается им. Разве можно оказывать предпочтение врачу, который таким образом оскорбил вашу двоюродную кузину, не говоря уже о том, что он был пресвитерианцем в то время, как все Стирлинги посещали англиканскую церковь. Но Валенси, выбирая между скандалом из-за неверности клану и бездной суматохи, болтовни и советов, решила предпочесть первое.

Глава II

Когда кузина Стиклз постучала в дверь, Валенси знала, что уже половина восьмого, и она должна вставать. С тех пор, как она помнила, кузина Стиклз стучала в дверь в половине восьмого. Кузина Стиклз и миссис Фредерик вставали к семи, но Валенси было позволено полежать на полчаса дольше, потому что в семье ее традиционно считали слабенькой. Валенси поднялась, хотя в это утро ей не хотелось этого еще более, чем прежде. Для чего вставать? Следующий, тусклый, как все прочие предыдущие, день, заполненный бессмысленными мелкими делами, безрадостный и ничего не значащий, не приносящий никому пользы. Но если она сейчас не встанет, то не успеет к восьмичасовому завтраку. Раз и навсегда установленное время трапез было правилом в доме миссис Фредерик. Завтрак в восемь, обед в час, ужин в шесть, год за годом, день за днем. Никаких извинений от опоздавших не принималось. Поэтому Валенси, дрожа, выбралась из постели.

Было очень зябко, холод сырого майского утра проник в комнату. В доме весь день будет холодно. Одним из правил миссис Фредерик было не разводить огонь после двадцать четвертого мая. Еду готовили на маленькой керосиновой плите на заднем дворе. И хотя май мог быть ледяным, а в октябре – ударить мороз, печи не топили до двадцать первого октября согласно календарю. Двадцать первого октября миссис Фредерик начинала готовить на кухне, а в гостиной по вечерам разжигала огонь в камине. Родственники шептались меж собой, что последний Фредерик Стирлинг подхватил простуду, сведшую его в могилу в первый год жизни Валенси, потому что миссис Фредерик не топила до двадцатого октября. Она разожгла огонь на следующий день, но для Фредерика Стирлинга было уже поздно.

Валенси сняла и повесила в шкаф ночную рубашку из грубого неотбеленного хлопка, с высоким воротом и узкими рукавами. Она надела нижнее белье такого же качества, коричневое полотняное платье, толстые черные чулки и ботинки на резиновой подошве. В последнее время она привыкла укладывать волосы при занавешенном окне, глядя в затененное зеркало, чтобы черты лица не казались четкими. Но в это утро она рванула жалюзи на самый верх и взглянула в поцарапанное зеркало со страстной решимостью увидеть себя такой, какой ее видел мир.

Результат оказался неутешительным. Даже красавица посчитала бы столь резкий, яркий свет испытанием. Валенси видела черные волосы, короткие и тонкие, всегда тусклые несмотря на то, что каждый вечер она проводила по ним расческой по сто раз, ни больше ни меньше, и честно втирала в корни бальзам Редферна для роста волос. Этим мрачным утром волосы показались ей еще более тусклыми, чем обычно. Прямые тонкие черные брови; нос, который всегда казался ей слишком мелким даже для ее блеклого треугольного лица, маленький бесцветный рот, всегда чуть приоткрытый; ровные белые зубы; худая плоскогрудая фигура намного ниже среднего роста. Каким-то чудом ей удалось избежать семейной скуластости, а темно-карие глаза, слишком мягкие и матовые, чтобы казаться черными, были почти по-восточному раскосы.

«Если не считать глаз, я ни симпатична, ни уродлива, просто никакая», – горько заключила она. И сколь резко в этом безжалостном свете выделялись морщинки вокруг глаз и рта! Никогда ее узкое бледное лицо не выглядело настолько узким и бледным.

Она уложила волосы валиком в стиле «помпадур». «Помпадур» давно вышел из моды, но его носили, когда Валенси впервые уложила волосы, и тетя Веллингтон посчитала, что она всегда должна иметь такую прическу.

«Только *это* подходит тебе. У тебя слишком маленькое лицо, поэтому нужно увеличивать его эффектом “помпадур”», – сказала тетя Веллингтон. Она всегда провозглашала простые вещи так, словно делилась глубокой и важной истиной.

Валенси очень хотела спустить волосы ниже на лоб и прикрыть уши пышными прядями, как носила Олив. Но авторитетное мнение тети Веллингтон настолько повлияло на нее, что с тех пор она так и не решилась изменить прическу. Однако, существовало ещё много всего, чего Валенси не смела делать.

«Всю жизнь я всего боялась», – горько подумала она. Первым ее воспоминанием был страх перед большим черным медведем, который, по словам кузины Стиклз, жил в кладовке под лестницей.

«И всегда буду – я знаю это – и не смогу справиться с собой. Не знаю, что это значит – не бояться».

Боялась припадков угрюмости своей матери, боялась обидеть дядю Бенджамина, боялась стать мишенью оскорблений тети Веллингтон, боялась язвительных реплик тети Изабеллы, боялась неодобрения дяди Джеймса, боялась не следовать мнениям и предрассудкам семьи, боялась нарушить приличия, боялась сказать то, что на самом деле думает, боялась нищеты в старости. Страх – страх – страх – ей никогда не сбежать от него. Он связал и опутал ее, словно стальная паутина. Только в своём Голубом замке она находила временное избавление. Но в это утро Валенси больше не верила, что у нее есть Голубой замок. Ей никогда не найти его. Двадцать девять лет, незамужняя, нежеланная – что ей делать с этим сказочным поместьем? Раз и навсегда она выбросит всю детскую чушь из своей жизни и решительно взглянет в лицо реальности.

Она отвернулась от недружелюбного зеркала и посмотрела в окно. Безобразный вид до боли угнетал ее: покосившийся забор; полуразрушенная вагонная мастерская в соседнем дворе, обклеенная грубыми, дико раскрашенными рекламными плакатами; закопченное здание станции вдали, где даже в этот ранний час слонялись жуткие бродяги. В потоках дождя пейзаж казался еще более противным, чем обычно, а особенно – реклама «Сохраните цвет лица школьницы». Это было просто невыносимо. Нигде ни проблеска красоты, «точно, как в моей жизни», мрачно подумала Валенси. Ее короткая горечь прошла. Она приняла факты покорно, как всегда принимала их. Она была одной из тех, чья жизнь просто проходит мимо. Ничто не могло измениться. В таком настроении Валенси спустилась к завтраку.

Глава III

Завтрак всегда был одинаков. Овсяная каша, которую Валенси ненавидела, тост с чаем и чайная ложка мармелада. Миссис Фредерик считала, что две ложки – расточительно, но для Валенси это было неважно, она ненавидела и мармелад. Холодная мрачная столовая была еще холоднее и мрачнее, чем обычно; дождь потоком лил за окном, со стен глазели ушедшие Стирлинги, в скверных золоченых рамах, шириной больше, чем портреты. А кухня Стиклз еще и пожелала Валенси многих повторений этого дня!

«Сядь прямо, Досс», – было все, что сказала ей мать.

Валенси села прямо. Говорила с матерью и кухней Стиклз о том, о чем говорили всегда. Она никогда не задумывалась, что произошло бы, если попробовать поговорить о чем-то другом. Она просто знала. Поэтому никогда этого не делала.

Миссис Фредерик была обижена на Провидение за то, что оно послало дождь в день, когда она хотела пойти на пикник, поэтому ела свой завтрак в обиженном молчании, за которое Валенси была ей весьма признательна. Но Кристин Стиклз, как обычно, ныла, жалуясь на все и вся – погоду, течь в кладовке, цены на овсянку и масло – Валенси тотчас подумала, что намазывает свой тост слишком щедро – и эпидемию свинки в Дирвуде.

«Досс обязательно подцепит ее», – предчувствовала она.

«Досс не должна ходить туда, где может заразиться свинкой», – заключила миссис Фредерик.

У Валенси никогда не было ни свинки, ни коклюша, ни ветрянки, ни кори и прочего, что ей следовало бы подцепить – ничего, кроме тяжелых простуд каждую зиму. Зимние простуды Досс стали чем-то вроде семейной традиции. Ничто, казалось, не могло защитить ее. Миссис Фредерик и кухня Стиклз сражались с ними изо всех сил. В одну из зим они с ноября по май держали Валенси дома в теплой гостиной. Ей даже не позволяли ходить в церковь. Но Валенси подхватывала простуду за простудой и закончила бронхитом в июне.

«В *моей* семье никогда такого не бывало, – сказала миссис Фредерик, намекая, что это, должно быть, склонность Стирлингов».

«Стирлинги редко простужаются», – обиженно заметила кухня Стиклз. *Она* принадлежала к Стирлингам.

«Я считаю, – сказала миссис Фредерик, – что, если человек примет решение *не* простужаться, у него *не будет* простуд».

Так вот в чем была причина. Виновата сама Валенси.

Но в это утро особенно невыносимым для Валенси стало то, что ее называли Досс. Она терпела это двадцать девять лет и вдруг поняла, что больше не может терпеть. Ее полное имя было Валенси Джейн. Сочетание звучало ужасно, но ей нравилось Валенси, с этим затейливым заморским привкусом. Оставалось загадкой, как Стирлинги позволили окрестить ее так. Ей рассказывали, что ее дедушка по матери, старый Амос Вансбарра, сам выбрал для нее имя. Отец присоединил свой цент, добавив Джейн, чтобы придать имени цивилизованность. А затем семейство нашло выход из положения, дав ей прозвище Досс. Никто, кроме чужих, не называл ее Валенси.

«Мама, – неуверенно произнесла она, – ты не возражаешь против того, чтобы называть меня Валенси? Досс кажется таким... таким... мне оно не нравится».

Миссис Фредерик изумленно взглянула на дочь. Она носила очки с чрезвычайно сильными линзами, которые придавали ее глазам особенно неприветливое выражение.

«А что не так с Досс?»

«Оно кажется слишком... детским», – пробормотала Валенси.

«О! – миссис Фредерик происходила из семьи Вансбарра, а улыбка у Вансбарра не была в ходу. – Понимаю. Кстати, это очень тебе подходит. Честно говоря, ты все еще ребенок, мое дорогое дитя».

«Мне двадцать девять лет», – в отчаянии сказала дорогое дитя.

«На твоём месте я бы не кричала об этом на каждом углу, – заявила миссис Фредерик. – Двадцать девять! Когда мне исполнилось столько, я была замужем уже девять лет».

«Я вышла замуж в семнадцать», – гордо добавила кузина Стиклз.

Валенси украдкой взглянула на них. Миссис Фредерик, если исключить ее ужасные очки и крючковатый нос, который делал ее похожей на попугая больше, чем сам попугай похож на себя, вовсе не выглядела уродливой. В свои двадцать она, возможно, была довольно симпатичной. Но кузина Стиклз! Удивительно, что нашелся мужчина, которому она понравилась. Валенси подумала, что кузина Стиклз с ее широким, плоским, морщинистым лицом, с родинкой прямо на кончике короткого носа, щетиной на подбородке, желтой морщинистой шеей, выпуклыми глазами навывкате, складками у тонкого рта, все же имела над ней преимущество – право смотреть сверху вниз. И она была нужна миссис Фредерик. Валенси с горечью размышляла, что же это значит – быть необходимым кому-то, быть желанным. Она не была нужна никому на свете, и, исчезни она вдруг, никто бы не скучал по ней. Она стала разочарованием для своей матери. Никто не любил ее. У нее никогда не было даже подруги.

«У меня даже нет этого дара – дружить», – горестно призналась она самой себе.

«Досс, ты не доела свои корки», – с упреком сказала миссис Фредерик.

Дождь шел без остановки до полудня. Валенси шила лоскутное одеяло. Она ненавидела шить лоскутные одеяла. Они были никому не нужны. Дом заполнили лоскутные одеяла. Три больших сундука на чердаке были забиты ими до краёв. Миссис Фредерик начала собирать одеяла, когда Валенси исполнилось семнадцать, и продолжала делать это, несмотря на то что они вряд ли понадобятся. Но дочь должна была трудиться, а материалы для вышивания стоили слишком дорого. Безделье считалось основным грехом в доме Стирлингов. В детстве Валенси каждый вечер заставляли заносить в маленькую, ненавистную ей, черную записную книжку каждую праздную минуту за день. По воскресеньям она должна была суммировать их и вымалывать у небес прощение.

В этот судьбоносный день Валенси провела в праздности лишь десять минут. Во всяком случае, миссис Фредерик и кузина Стиклз назвали бы это праздностью. Она поднялась в свою комнату, чтобы взять наперсток, и наспех открыла *«Плоды чертополоха»* на первой попавшейся странице.

«Леса, как живые существа, – писал Джон Фостер, – чтобы знать их, нужно жить с ними. Случайные прогулки по проторенным тропам никогда не приведут к их сокровенному. Если мы хотим подружиться с ними, нужно погрузиться в них, завоевать их частыми, почтительными визитами в любое время: утром, в полдень, вечером, в разное время года, весной, летом, осенью, зимой. И все равно мы никогда не сможем до конца ни познать их, ни обмануть своей уверенностью в этом знании. У них имеется свой действенный способ держать пришельцев на расстоянии и закрывать свои сердца от случайных экскурсантов. Нет смысла исследовать леса по иной причине, чем просто любовь к ним, они тотчас раскусят нас и спрячут свои сладостные старые тайны. Но если они поймут, что мы приходим к ним, потому что любим, они будут щедры и откроют такие сокровища красоты и радости, каких ни купить, ни продать ни на одном рынке. Потому что леса, когда отдадут – отдадут безмерно и ничего не требуют взамен от своих истинных поклонников. Мы должны приходить к ним с любовью, смиренно, терпеливо и внимательно, и тогда мы познаем, какая проникновенная красота таится в диких уголках и безмолвных долинах; лежит под звездными небесами и солнечными закатами; какие таинственные мелодии наигрывают на струнах своих арф старые сосновые лапы или напевают еловые стволы; какими нежными ароматами веет дыхание мхов и папоротников в солнечных уголках

или возле влажных ручьев; какие мечты, мифы и легенды старых времен кроются там. И тогда бессмертное сердце леса будет биться в такт с нашими сердцами, а его таинственная жизнь незаметно проникнет в наши вены, и мы навсегда станем их пленниками, и, куда бы мы ни шли и где бы ни скитались, нас вновь и вновь будут манить леса, как близкие дорогие друзья».

«Досс, – позвала ее мать снизу, – что ты там делаешь, одна в комнате?»

Валенси отбросила «*Плоды чертополоха*», словно горячие угли, и ринулась вниз к своим лоскутам, но ее не отпускало странное возбуждение, что всегда охватывало ее, когда она погружалась в одну из книг Фостера. Валенси почти ничего не знала о лесах – если не считать призрачных дубовых и сосновых рощ, окружающих Голубой замок, – но всегда тайно желала попасть туда, и книга Фостера о лесах заняла в ее мечтах второе место после самих лесов.

В полдень дождь прекратился, но солнце выглянуло из-за туч только около трех часов. Тогда Валенси осторожно сообщила, что хотела бы сходить в город.

«Зачем тебе идти в город?» – строго спросила ее мать.

«Хочу взять книгу в библиотеке».

«Ты уже брала книгу на прошлой неделе».

«Нет, прошел уже почти месяц».

«Месяц. Ерунда!»

«На самом деле, мама».

«Ты ошибаешься. Не могло пройти больше двух недель. Мне не нравятся возражения. И я не понимаю, зачем тебе брать книгу. Ты понапрасну тратишь время на чтение».

«А чего стоит мое время?» – с горечью спросила Валенси.

«Досс! Не разговаривай *со мной* таким тоном».

«Нам нужен чай, – сказала кузина Стиклз. – Она могла бы пойти и купить, если хочет прогуляться, хотя в такую сырость легко простудиться».

Они обсуждали проблему еще минут десять, и в конце концов миссис Фредерик скрепя сердце согласилась, что Валенси может пойти.

Глава IV

«Ты надела калоши?» – крикнула кузина Стиклз, когда Валенси выходила из дома.

Кузина Стиклз никогда не забывала задать этот вопрос, если Валенси выходила в сырую погоду.

«Да».

«Ты надела фланелевое белье?» – спросила миссис Фредерик.

«Нет».

«Досс, я тебя не понимаю. Ты *снова* хочешь умереть от простуды?» Видимо, миссис Фредерик подразумевала, что Валенси уже не раз умирала от простуды. «Сейчас же иди наверх и надень!»

«Мама, мне *не нужно* фланелевое белье. Мое сатиновое вполне теплое!»

«Досс, вспомни свой бронхит два года назад. Иди и делай, что я тебе говорю!»

Валенси пошла, но, если бы кто-то знал, насколько близка она была к тому, чтобы перед уходом вышвырнуть на улицу фикус. Она ненавидела это серое фланелевое белье больше всей прочей своей одежды. Олив никогда не приходилось носить фланелевое белье. Она носила сборчатое шёлковое или батистовое, украшенное ажурными воланами. Но ее отец «женился на деньгах», и у Олив никогда не случалось бронхита. Знай свой шесток.

«Ты не оставила мыло в воде?» – крикнула ей вслед миссис Фредерик, но Валенси уже не слышала ее. Она свернула за угол и оглянулась на уродливую, чопорную, respectable улицу, на которой жила. Дом Стирлингов был здесь самым безобразным, больше похожим на красный кирпичный ящик. Слишком высокий для своей ширины и кажущийся еще выше за счет стеклянного купола-луковки на крыше. Рядом находились безлюдные развалины старого, отжившего свой век, дома.

Прямо за углом стоял очень красивый домик с витражными окнами и двойными фронтонами – новый дом, один из тех, в какие влюбляешься с первого взгляда. Клейтон Маклей построил его для своей невесты. Он собирался жениться на Дженни Ллойд в июне. Этот домик, по слухам меблированный от чердака до подвала, был готов принять свою хозяйку.

«Не завидую Дженни из-за ее жениха, – совершенно искренне подумала Валенси – Клейтон Маклей не входил в число тех, о ком она могла бы мечтать, – но я завидую ей из-за этого дома. Такой красивый новый дом. О, если бы у меня был свой собственный дом, пусть маленький, бедный, но свой! Но, – горько одернула она себя – какой смысл желать луну, если не можешь получить даже сальную свечку».

В стране грез ничто бы не устроило Валенси, кроме замка из светлого сапфира. В жизни она бы удовлетворилась маленьким, но собственным домом. Сегодня она особенно остро завидовала Дженни Ллойд. Внешне Дженни вовсе не была лучше нее, да и ненамного моложе. И все же именно она получала этот красивый дом. И чудесные крошечные веджвудские чайные чашки³ – Валенси видела их, и камин, и белье с монограммами, и скатерти, украшенные мережкой, и буфет. Почему одним достается *все*, а другим – *ничего*? Это было несправедливо.

Когда Валенси, чопорную, безвкусно одетую в поношенный плащ и шляпку, купленную три года назад, обрызгала грязью проезжающая мимо машина, издав оскорбительный рев, ее чувство протеста закипело еще сильнее. Автомобили были в Дирвуде редкостью, хотя стали обычным делом в Порт Лоуренсе; все дачники, отдыхающие на Маскоке, разъезжали в них.

³ Керамика британской фабрики Wedgwood почти два с половиной столетия считается эталоном качества. Ее лучшие образцы – фарфор и фаянс элегантной формы с тончайшими стенками и строгим рисунком – признаны подлинными произведениями искусства. История веджвудского фарфора началась в 1759 году, когда потомственный английский керамист Джозайя Веджвуд открыл собственную фабрику.

В Дирвуде машины имелись лишь у фешенебельной части общества, поскольку даже Дирвуд был разделен на социальные слои. Существовало знатное общество, интеллектуальное общество, общество старых семей – к нему принадлежали Стирлинги, – простонародье и несколько изгоев. Никто из клана Стирлингов не снизошел до автомобиля, хотя Олив и упрашивала отца купить машину. Валенси ни разу не ездила в машине. Но она не слишком и хотела этого. По правде говоря, она побаивалась автомобилей, особенно в ночное время. Они казались громадными ревущими чудовищами, стремящимися сбить или нанести ужасные разрушения. По горным дорогам, ведущим к Голубому замку, можно было передвигаться лишь на лошадях в красивой упряжи, горделивым аллюром, а в жизни Валенси вполне бы устроила двуколка с хорошей лошадкой в упряжке. Ей удавалось прокатиться в экипаже, лишь когда один из ее дядьёв или кузенов вдруг вспоминали о ней, словно бросали кость собаке.

Глава V

Разумеется, она должна была покупать чай только в лавке дяди Бенджамина. Приобрести его где-то в другом месте было немыслимо. Необходимость заходить туда в свой двадцать девятый день рождения была ненавистна для Валенси. Никакой надежды, что он позабудет об этом.

«Почему, – зловеще ухмыльнувшись, спросил дядя Бенджамин, заворачивая чай, – юные леди похожи на хороших грамматистов?»

Валенси, следуя желанию дяди Бенджамина, прочно укоренившемся в ее голове, кротко ответила: «Не знаю. И почему?»

«Потому что, – хихикнул тот, – и те, и другие не могут отказаться от предложений».

Два клерка, Джо Хэммонд и Клод Бертрам, дружно фыркнули от смеха, а Валенси возненавидела их больше, чем прежде. Когда Клод впервые увидел ее в лавке, он шепнул Джо: «Кто это?» А Джо ответил: «Валенси Стирлинг – одна из дирвудских старых дев». «Излечимая или неизлечимая?» – спросил Клод со смешком, очевидно, считая, что сострил. Валенси со жгучей обидой вспомнила этот старый подслушанный разговор.

«Двадцать девять, – тем временем говорил дядя Бенджамин, – дорогуша, Досс, ты уже вот-вот закончишь третий десяток, и до сих пор не подумала о замужестве. Двадцать девять. Это же никуда не годится».

Затем он выдал оригинальную мысль. Он сказал: «Как летит время!»

«Думаю, оно *ползет*», – пылко ответила Валенси. Пылкость в понимании дяди Бенджамина настолько не сочеталась с Валенси, что он растерялся. Чтобы скрыть смущение, загадал следующую загадку, упаковывая бобы – кузина Стиклз в последний момент вспомнила, что им нужны бобы, которые были дешевой и сытной пищей.

«Какие два мира означают иллюзию? – спросил дядя Бенджамин и, не дожидаясь «поражения» Валенси, сообщил: – Мирьяж и мираж».

«Не мирьяж, а марьяж»⁴, – коротко ответила Валенси, забирая покупки. На какое-то мгновение ей стало все равно, вычеркнет ли дядя Бенджамин ее из своего завещания или нет. Она вышла из лавки, пока тот смотрел ей вслед с открытым ртом. Затем покачал головой.

«Бедняжка Досс переживает», – сказал он.

Дойдя до следующего перекрестка, Валенси раскаялась в содеянном. Почему она не сдержалась? Дядя Бенджамин разозлится и наверняка скажет матери, что Досс надерзила «ему!», а мать целую неделю будет читать ей нотации.

«Я держала язык за зубами двадцать лет, – думала Валенси. – Почему не могла поддержать его там еще?»

Да, прошло уже двадцать лет, отметила Валенси, с тех пор как ее впервые укололи отсутствием поклонников. Она отлично помнила тот горестный миг. Ей было девять лет, и она стояла одна на школьной площадке, тогда как остальные девочки играли в игру, в которой мальчики должны были выбирать девочек в качестве партнерш по игре. Никто не взял Валенси – маленькую бледную черноволосую Валенси в строгом платье с длинными рукавами, со странными раскосыми глазами.

«Ах, – сказала ей одна симпатичная девчушка, – мне так жаль тебя. У тебя нет кавалера».

«А мне и *не надо* кавалера», – ответила тогда Валенси с вызовом и с тех пор повторяла это целых двадцать лет. Но сегодня она перестала говорить так, раз и навсегда.

⁴ Загадка дяди Бенджамина основана на игре слов «*Mirage and marriage*». Валенси поправляет его: «*M-i-r-a-g-e is pronounced mirazh*».

«Буду честной перед собой, – угрюмо думала она. – Загадки дяди Бенджамина обижают меня, потому что они – самая что ни на есть правда. Я хочу замуж. Хочу свой дом, хочу мужа, хочу милых, толстых *мальшей*, моих, собственных...»

Валенси замерла, ошеломленная своим безрассудством, в почти полной уверенности, что доктор Столлинг, который только что прошел мимо, прочитал ее мысли и крайне не одобрил их. Она боялась доктора Столлинга, боялась с того воскресенья, двадцать три года назад, когда он впервые появился в приходе Святого Олбани. Валенси опоздала на занятия воскресной школы и тихонько вошла в церковь, устроившись на одной из скамей. В церкви никого не было, кроме нового ректора, доктора Столлинга. Он встал перед входом на хоры, поманил ее и сказал строго: «Подойди ко мне, мальчик».

Валенси оглянулась вокруг. Никаких мальчиков здесь не было, вообще никого, кроме нее самой, в этой огромной церкви. Станный человек в голубых очках не мог обращаться к ней. Она не была мальчиком.

«Мальчик, – повторил доктор Столлинг более строго, указывая на нее пальцем, – подойди сюда сейчас же!»

Валенси поднялась с места, как загипнотизированная, и пошла вдоль рядов. Она была так напугана, что не могла делать ничего другого. Сейчас с нею произойдет что-то ужасное? Что случилось с ней? Неужели она и правда превратилась в мальчика? Она подошла и остановилась перед доктором Столлингом. Он покачал своим пальцем, длинным суставчатым пальцем, и сказал:

«Мальчик, сними свою шляпу».

Валенси сняла шляпу. Ее волосы были собраны сзади в маленький хвостик, но доктор Столлинг был близорук и не заметил этого.

«Мальчик, садись на свое место и *всегда* снимай шляпу в церкви. *Запомни!*»

Валенси вернулась на место, машинально неся в руках шляпу. В этот момент в церковь вошла ее мать.

«Досс, – сказала миссис Стирлинг. – Почему ты сняла шляпу? Немедленно надень ее!»

Валенси быстро надела шляпу. Она похолодела от страха, что доктор Столлинг снова позовет ее к себе. И ей, конечно, придется идти – ей не могло прийти в голову, что можно ослушаться ректора, – но сейчас церковь заполнялась народом. О, что она будет делать, если этот ужасный тощий палец вновь укажет на нее перед всеми этими людьми? Всю службу Валенси просидела в агонии страха и проболела всю последующую неделю. Никто не знал почему, и миссис Фредерик вновь оплакивала участь иметь такого хрупкого ребенка.

Доктор Столлинг обнаружил свою ошибку и посмеялся над ней перед Валенси – но ей не было смешно. Она больше не смогла пересилить свой страх перед ним. А сейчас чуть не столкнулась с ним на углу улицы, думая о таких вещах!

Валенси взяла новую книгу Джона Фостера «*Магия крыльев*».

«Эта его последняя – вся о птицах», – сказала мисс Клаксон. Валенси решила было идти прямо домой, не заходя к доктору Тренту. Мужество покинуло ее. Она боялась обвинений дяди Джеймса, боялась недовольства матери, боялась сердитого бровастого доктора Трента, который, скорее всего, скажет, как сказал кузине Глэдис, что ее болезнь из области фантазий, и она страдает от нее лишь потому, что ей так хочется. Нет, она не пойдет, а лучше купит бутылку фиолетовых пилюль доктора Редферна. Эти пилюли были основным лекарством клана Стирлингов. Разве не они вылечили кузину Джеральдину, когда пять врачей отказались от нее? Валенси всегда скептически относилась к достоинствам фиолетовых пилюль, но что-то такое в них *все же было*. Да и проще принимать их, чем оказаться лицом к лицу с доктором Трентом. Она полистает журналы в читальном зале и пойдет домой.

Валенси пыталась прочитать какой-то рассказ, но он разозлил ее. С каждой страницы смотрела героиня, окруженная мужчинами. А она, Валенси Стирлинг, не могла получить хотя

бы одного кавалера! Валенси захлопнула журнал и открыла *«Магию крыльев»*. Слова, на которые случайно упал взгляд, изменили ее жизнь.

«Страх – это изначальный грех, – писал Джон Фостер. – Почти все зло, творимое в мире, вызвано тем, что кто-то боится чего-то. Это холодная тонкая змея, обвивающая вас. Ужасно жить в страхе, он разрушает все».

Валенси закрыла книгу и встала. Она пойдет к доктору Тренту.

Глава VI

Испытание оказалось не столь уж страшным. Доктор Трент был резок и груб, как обычно, но не сказал, что она вообразила свое нездоровье. Выслушав ее жалобы, задав несколько вопросов и осмотрев Валенси, он какое-то время сидел, внимательно глядя на нее. Валенси показало, что с жалостью. Она на мгновение потеряла дыхание. Неужели все так серьезно? О, конечно, нет – все это *не так уж* беспокоило ее – лишь недавно стало чуть хуже.

Доктор Трент открыл было рот, но прежде, чем успел что-то сказать, резко зазвонил телефон, стоящий рядом с ним. Он поднял трубку. Валенси увидела, как менялось выражение его лица, пока он слушал. «Алло – да... да... *что?* Да... да – короткое молчание. – О, Боже!»

Доктор Трент бросил трубку, выскочил из кабинета и ринулся вверх по лестнице, даже не взглянув на Валенси. Она слышала, как он бегал наверху, бросая кому-то короткие распоряжения, вероятно, экономке. Затем спустился с портфелем в руке, схватил шляпу и пальто с вешалки, распахнул входную дверь и ринулся по улице в направлении станции.

Валенси осталась одна в кабинете, чувствуя, что попала в глупейшее положение. Глупейшее и унижительное. Это все, что она получила за свою героическую решимость жить по Джону Фостеру, отбросив страхи прочь. Она не только провалила роль родственницы и не существовала, как любимая или подруга, она даже не имела значения в качестве пациента. Доктор Трент в суматохе просто забыл о ее присутствии, какое бы известие он ни получил по телефону. Обидев дядю Джеймса и бросив вызов семейной традиции, она потеряла все.

Сначала она так испугалась, что чуть не расплакалась. Это было так... нелепо. Затем услышала, как экономка доктора Трента спускается по лестнице. Валенси встала и подошла к двери кабинета.

«Доктор забыл обо мне», – сказала она, усмехнувшись.

«Да, очень печально, – сочувственно ответила миссис Паттерсон. – Но это и не удивительно для него, бедняги. Пришла телеграмма, ему прочитали ее по телефону из Порта. Его сын сильно пострадал в автомобильной аварии в Монреале. У доктора было лишь десять минут, чтобы успеть на поезд. Не знаю, что он будет делать, если что-то случится с Недом – он так привязан к этому мальчику. Вам придется прийти еще раз, мисс Стирлинг. Надеюсь, у вас ничего серьезного».

«О, нет, ничего серьезного», – подтвердила Валенси. Она почувствовала небольшое облегчение. Понятно, почему доктор Трент позабыл о ней в такой момент. Но так или иначе она вышла на улицу весьма обескураженная и расстроенная.

Валенси пошла домой по короткому пути – переулку Свиданий. Она нечасто ходила здесь, но приближалось время ужина, а она не должна опаздывать. Переулок Свиданий тянулся к деревне, под кронами вязов и кленов, и вполне оправдывал свое название. В любое время здесь можно было встретить парочку влюбленных или юных девушек, гуляющих под ручку, делаясь своими секретами. Валенси не знала, которые из них вызывали в ней большее ощущение стеснения и неловкости.

В этот вечер ей достались и те, и другие. Она встретила Конни Хейл и Кейт Бейли в новых розовых платьях из органди, с кокетливо приколотыми в распущенные волосы цветами. У Валенси никогда не было розового платья, и она не носила цветы в волосах. Затем она прошла мимо юной, незнакомой ей, пары. Они прогуливались по тропе, не замечая никого, кроме друг друга. Рука молодого человека довольно неприлично обнимала талию девушки. Валенси никогда не гуляла с мужчиной, который бы обнимал ее. Валенси знала, что должна быть шокирована – они могли хотя бы дождаться сумерек, – но не ощутила возмущения. В следующей вспышке отчаяния она честно призналась себе, что просто-напросто завидует. Проходя мимо, она подумала, что оба смеялись над нею, жалея – «вот идет бедняжка Валенси Стирлинг, стран-

ная старая дева. Говорят, у нее никогда не было кавалера». Она почти бегом бросилась прочь с тропы. Никогда еще она не чувствовала себя настолько бесцветной, тощей и незначительной.

На повороте с переулка Свиданий был припаркован старый автомобиль. Валенси хорошо знала эту машину, даже по звуку, здесь все знали ее. Название «старый фордик» еще не вошло в оборот – в Дирвуде, по крайней мере, – но, если бы оно было известно, эта бы стала старейшей из фордиков, хотя, на самом деле, являлась не Фордом, а Грей Слоссоном. Трудно представить что-либо более разбитое и позорное.

Машина принадлежала Барни Снейту, а ее хозяин в испачканных грязью рабочих штанах на помочах как раз выбирался из-под нее. Валенси быстро, украдкой взглянула на него, спеша мимо. Это была ее вторая встреча с печально известным Барни Снейтом, хотя за те пять лет, что он прожил в «чащобе» на Маскоке, она слышала о нем более чем достаточно. В первый раз она увидела его около года назад на дороге на Маскоку. Он точно также выползал из-под своей машины и улыбнулся ей, когда она проходила мимо – легкой причудливой улыбкой, которая сделала его похожим на довольного гнома. Он не выглядел дурным, она не верила, что он плохой, несмотря на дикие байки, что рассказывали о нем. Конечно, именно он с ревом проезжал на своем ужасном старом Грей Слоссоне через Дирвуд, в часы, когда все приличные люди уже лежат в постелях, и часто в компании Ревущего Абеля, который своим голосом превращал ночь в кошмар, – «оба мертвецки пьяные, моя дорогая». Все знали, что он был сбежавшим заключенным, банковским клерком-растратчиком, скрывающимся убийцей, атеистом, внебрачным сыном старого Ревущего Абеля, а также отцом его незаконного внука, фальшивомонетчиком, фальсификатором и прочее, прочее. Но Валенси все равно не верила, что он был дурным. Человек с такой улыбкой не мог быть плохим, что бы он ни сделал.

В ту же ночь принц Голубого замка претерпел значительные изменения, превратившись из субъекта с тяжелой челюстью и преждевременной сединой в шалопая с нестриженными рыжеватыми волосами, темно-кариими глазами и ушами, торчащими достаточно, чтобы он выглядел живым, но недостаточно, чтобы назвать их бом-кливерами⁵. Но все же его челюсть сохранила некоторую тяжесть.

Барни Снейт выглядел еще более неподобающе, чем обычно. Он явно не брился несколько дней, а его руки, голые до плеч, были черны от смазки. Но он весело насвистывал и казался таким счастливым, что Валенси позавидовала ему. Она позавидовала его беззаботности, его безответственности, его таинственной маленькой хижине на озере Миставис и даже его шумному старому Грей Слоссону. Ни он, ни его машина не были обязаны выглядеть респектабельно и чтить традиции. Когда, спустя несколько минут, он, удобно откинувшись на сиденье, прогромыхал мимо и лихо развернул свой «фордик», она снова позавидовала ему. Его не обремененные шапкой длинные волосы трепал ветер, а во рту злодейски торчала старая черная трубка. Мужчины получают все лучшее, без всяких сомнений. Этот разбойник был счастлив, кем бы он был или не был. Она же, Валенси Стирлинг, респектабельная, до крайности порядочная, была несчастна и сейчас, и прежде. Каждый на своем месте.

Валенси поспела к ужину как раз вовремя. Небо заволокло тучами, и снова принялся моросить унылый мелкий дождь. Кузина Стиклз страдала от невралгии. Валенси пришлось заниматься штопкой на всю семью и для чтения «*Магии крыльев*» не осталось времени.

«Штопка не может подождать до завтра?» – попросила она.

«Завтра принесет другие обязанности», – непреклонно отрезала миссис Фредерик.

Валенси штопала весь вечер и слушала, как миссис Фредерик и кузина Стиклз обсуждают вечные семейные сплетни, монотонно стуча спицами, – они вязали бесконечные черные чулки и взвешивали все за и против приближающейся свадьбы двоюродной кузины Лилиан. В целом выбор был одобрен. Двоюродная кузина Лилиан позаботилась о себе.

⁵ бом-кливер – самый передний четырехугольный парус, поднимаемый на парусном судне.

«Хотя, она и не спешила, – сказала кузина Стиклз. – Ей, должно быть, двадцать пять».

«В нашем кругу, к счастью, осталось не так много старых дев», – сказала миссис Фредерик.

Валенси вздрогнула. И вогнала иголку в палец.

Троюродного кузена Аарона Грея поцарапала кошка, и он заполучил заражение крови в пальце. «Кошки очень опасные животные, – сказала миссис Фредерик. – Я никогда бы не завела в доме кошку».

Она многозначительно уставилась на Валенси через свои ужасные очки. Однажды, пять лет назад, Валенси спросила, можно ли ей взять кошку. С тех пор она никогда больше не заговаривала об этом, но миссис Фредерик до сих пор подозревала, что дочь хранит преступное желание в глубине души. Однажды Валенси чихнула. По коду Стирлингов было неприлично чихать в обществе.

«Ты всегда можешь сдержаться, прижав палец к верхней губе», – с упреком сказала миссис Фредерик.

Половина десятого и, как сказал бы мистер Пепис⁶, пора в кровать. Но прежде страдающая от невралгии спина кузины Стиклз должна быть натерта мазью Редферна. Это делала Валенси. Это была ее обязанность. Она ненавидела запах этой мази и сияющее самодовольное лицо очкастого, с бакенбардами доктора Редферна на картинке, украшающей бутылку. Пальцы еще долго пахли этой мазью, несмотря на все старания отмыть запах.

Судьбоносный день Валенси пришел и закончился. Она завершила его так же, как начала, в слезах.

⁶ Самюэль Пепис – (1633–1703), англичанин, офицер административной службы флота и член Парламента, известный своим личным дневником, который он вел в течение десяти лет.

Глава VII

У дома Стирлингов, возле калитки, на маленькой лужайке был высажен розовый куст. Его называли кустом Досс. Пять лет назад кузина Джорджиана подарила его Валенси, и та с радостью посадила его. Она любила розы. И, разумеется, куст ни разу не расцвел. Это было ее роком. Валенси делала все, что только можно придумать, воспользовалась каждым советом каждого из родственников, но куст не желал цвести. Ветви буйно и роскошно разрослись, листву не повредили ни ржа, ни насекомые, но на нем так и не появилось хотя бы одной завязи. Взглянув на него через пару дней после своего дня рождения, Валенси вдруг преисполнилась внезапной неодолимой ненависти. Не цветет и ладно, тогда она обрежет его. Она отправилась в сарай, где хранились инструменты, взяла садовый нож и со злобной решимостью подошла к кусту. Несколько минут спустя миссис Фредерик, выйдя на веранду, с ужасом обнаружила свою дочь безумно крушащей ветви розового куста. Половина их уже устилала дорожку. Куст выглядел печально изувеченным.

«Досс, ради бога, что ты делаешь? Ты сошла с ума?»

«Нет», – ответила Валенси. В ответе подразумевался вызов, но привычка оказалась сильнее ее, и он прозвучал, как попытка умиловить гнев матери. «Я... я просто решила обрезать куст. Он больной. Он не цветет и никогда не зацветет».

«Но это не причина, чтобы уничтожать его, – строго сказала миссис Фредерик. – Куст был красивым, вполне декоративным. А ты сделала его жалким».

«Кусты роз должны *цвести*», – слегка упрямо возразила Валенси.

«Не спорь со мной, Досс. Наведи порядок и оставь куст в покое. Не знаю, что скажет Джорджиана, когда увидит, что ты с ним сотворила. Ты меня удивляешь. Сделать такое, не спросив меня!»

«Этот мой куст», – пробормотала Валенси.

«Что такое? Что ты сказала, Досс?»

«Я только сказала, что этот куст мой», – тихо повторила Валенси.

Миссис Фредерик молча развернулась и ушла в дом. Раздор был посеян. Валенси знала, что глубоко обидела мать, и теперь та два-три дня не станет разговаривать с нею или совсем не замечать. Кузина Стиклз будет присматривать за воспитанием Валенси, но миссис Фредерик – хранить каменное молчание оскорбленного величества. Валенси вздохнула, унесла садовый нож и аккуратно повесила его на законный гвоздь в сарае для инструментов. Она убрала ветки и вымела листья. Ее губы трогала улыбка, когда она поглядывала на обрезанный куст. Он стал удивительно похож на свою дрожащую шуплую дарительницу, кузину Джорджиану.

«Да, я в самом деле сделала из него нечто ужасное», – подумала Валенси. Но она не чувствовала раскаяния, лишь сожаление, что обидела мать. Дома будет очень неуютно, пока та не простит ее. Миссис Фредерик была одной из тех женщин, что наполняли своим гневом весь дом. Ни стены, ни двери не защищали от него.

«Сходи-ка лучше в город и забери почту, – сказала кузина Стиклз, когда Валенси вошла в дом. – Я не могу идти, этой весной я совсем ослабла и нездорова. Хочу, чтобы ты забежала в аптеку и прикупила мне бутыль красной настойки доктора Редферна. Нет ничего лучше этой настойки, чтобы поддержать себя телесно. Кузен Джеймс говорит, что фиолетовые пилюли лучше, но я знаю не хуже его. Мой бедняжка муж принимал настойку доктора Редферна до самой смерти. Не позволяй им содрать с тебя больше девятиста центов. За такую цену ее можно заполучить в Порте. И что ты *наговорила* своей бедной матери? Ты когда-нибудь думаешь, Досс, что у тебя одна единственная мать?»

«Одной для меня вполне достаточно», – непочтительно подумала Валенси, направляясь в город.

Она купила в аптеке настойку для кухни Стиклз и зашла на почту, чтобы спросить, нет ли писем до востребования. У матери не имелось почтового ящика. Слишком редко им приходила какая-либо корреспонденция, чтобы озаботиться этим. Валенси не ожидала ничего, кроме, разве что, газеты *Христианское Время*, единственной, что они выписывали. Они почти никогда не получали писем. Но Валенси нравилось бывать на почте, наблюдая, как седобородый, словно Санта-Клаус, мистер Карью, старый почтовый служащий, выдает письма тем, кому повезло их получить. Он делал это с таким отстранённым, безличным юпитероподобным видом, словно для него не имело ни малейшего значения, что за великие радости или убийственные горести, возможно, содержатся в письмах для тех, кому они адресованы. Письма казались для Валенси чудом, видимо, потому что она так редко получала их. В ее Голубом замке волнующие эпистолы, перевязанные шелковыми лентами и запечатанные красными печатями, всегда доставлялись пажами, разодетыми в голубые с золотом ливреи, а в жизни она получала лишь небрежные записки от родственников да рекламные проспекты.

Поэтому она была чрезвычайно удивлена, когда мистер Карью, еще более юпитероподобный, чем обычно, сунул ей в руки письмо. Да, оно было точно адресовано ей, резким свирепым почерком: «Мисс Валенси Стирлинг, улица Вязов, Дирвуд», а печать поставлена в Монреале. У Валенси участилось дыхание, когда она взяла письмо. Монреаль! Должно быть, от доктора Трента. В конце концов он вспомнил о ней. Покидая почту, Валенси встретила дядю Бенджамина и порадовалась, что письмо надежно спрятано в сумку.

«Что общего, – спросил дядя Бенджамин, – между девушкой и почтовой маркой?»

«Не знаю. И что?» – по обязанности спросила Валенси.

«Обе хотят приклеиться. Ха, ха!»

Дядя Бенджамин прошествовал мимо, весьма довольный собой.

Когда Валенси вернулась домой, кухня Стиклз набросилась на газету, и ей не пришлось голову спросить о письмах. Миссис Фредерик спросила бы, но на ее губы в текущий момент была наложена печать. Валенси порадовалась этому. Если бы мать поинтересовалась, были ли письма, ей пришлось бы признаться. Затем пришлось бы позволить матери и кухне Стиклз прочитать письмо, и всё бы открылось.

Сердце вело себя как-то непривычно, пока Валенси поднималась по лестнице, и ей пришлось на несколько минут присесть в комнате у окна, прежде чем распечатать письмо. Валенси чувствовала себя преступницей и обманщицей. Никогда раньше она не держала письмо в секрете от матери. Любое письмо, написанное или полученное ею, прочитывалось миссис Фредерик. Но прежде это не имело значения. Валенси было нечего скрывать. А сейчас *было что*. Она никому не могла позволить прочитать это письмо. Но, когда она распечатывала его, пальцы дрожали от сознания своей преступности и неподобающего поведения – и еще чуть-чуть – от страха. Она была почти уверена, что с ее сердцем нет ничего серьезного, но кто знает.

Письмо доктора Трента было похоже на него самого – грубоватое, резкое, немногословное. Доктор Трент никогда не ходил вокруг да около. «Уважаемая мисс Стирлинг ...» и далее страница, исписанная ровным почерком. Прочитав, как ей показалось, мгновенно, Валенси уронила лист на колени и побледнела, словно призраком.

Доктор Трент писал, что у нее очень опасная и фатальная форма болезни сердца, стенокардия, очевидно, осложненная аневризмом, – знать бы, что это такое – в последней стадии. Он писал, не смягчая суть, что ей ничем уже нельзя помочь. Если она будет очень осторожна, то, возможно, проживет еще год, но может умереть в любой момент – доктор Трент никогда не утруждал себя употреблением эвфемизмов. Она должна избегать любых волнений и физических нагрузок. Она должна соблюдать диету, никогда не бегать, а по ступенькам или в гору подниматься с особой осторожностью. Любое внезапное волнение или шок могут стать смертельными. Она должна заказать по приложенному рецепту лекарство и всегда иметь его при себе, принимая дозу, когда начинается приступ. И далее, искренне Ваш, Г. Б. Трент.

Валенси долго сидела у окна. Мир тонул в сиянии весеннего дня – восхитительно голубое небо; ветер, ароматный и вольный; прекрасная, нежно-голубоватая дымка в конце каждой улицы. У вокзала стайка юных девушек ждала прибытия поезда, она слышала их веселый смех и шутовскую болтовню. Поезд с ревом вполз на станцию и с тем же ревом проследовал дальше. Но ничто не казалось ей настоящим. Ничто, кроме того факта, что у нее остался лишь один год.

Она устала сидеть у окна и легла на кровать, уставившись в потрескавшийся, выцветший потолок. Странное смирение, последовавшее за сокрушающим ударом, охватило ее. Она не чувствовала ничего, кроме бесконечного удивления и недоверия, за которыми стояло убеждение, что доктор Трент знает свое дело, и что она, Валенси Стирлинг, должна умереть, так никогда и не пожив.

Когда гонг пригласил на ужин, Валенси встала и механически спустилась вниз, ведомая привычкой. Она удивлялась, как ей позволили так долго быть одной. Впрочем, мать в эти дни не обращала на нее внимания. Валенси была благодарна этому. Она подумала, что ссора из-за розового куста была, как могла бы выразиться сама миссис Фредерик, послана Провидением. Она ничего не смогла есть, но миссис Фредерик и кузина Стиклз посчитали, что она заслуженно несчастна из-за отношения матери, поэтому отсутствие у неё аппетита не обсуждалось. Валенси заставила себя проглотить чаю, а затем просто наблюдала, как едят другие, со странным чувством, что прошли годы с тех пор, как она села с ними за этот стол. Она вдруг улыбнулась про себя, представив, какую суматоху могла бы устроить, если бы решила сделать это. Лишь поведая им содержание письма доктора Трента, начнется такая суэта, словно – мелькнула у нее горькая мысль – им на самом деле не наплевать.

«Экономка доктора Трента получила сегодня известия от него», – сказала кузина Стиклз, так внезапно, что Валенси виновато подпрыгнула. Неужели мысли передаются на расстояние?

«Миссис Джадд разговаривала с ней в городе. Считают, что его сын поправится, но доктор Трент написал, что вывезет его за границу, как только будет можно, и не вернется, по меньшей мере, год».

«Для нас это не имеет большого значения, – важно заявила миссис Фредерик. – Он не наш врач. Я бы... – в этом месте она с упреком посмотрела или, казалось, что посмотрела, прямо сквозь Валенси, – не позволила ему лечить даже кошку».

«Можно мне пойти к себе и лечь? – тихо спросила Валенси. – У меня болит голова».

«Отчего у тебя заболела голова?» – спросила кузина Стиклз, поскольку миссис Фредерик не могла. На вопрос следовало ответить. Валенси не было позволено иметь головную боль без видимой причины.

«У тебя редко болит голова. Надеюсь, ты не подхватила свинку. Возьми, выпей ложечку уксуса».

«Чушь!» – резко сказала Валенси, вставая из-за стола. Теперь она не беспокоилась, груба ли она. Она и так всю жизнь была вежлива.

Если бы кузина Стиклз могла побледнеть еще больше, она бы это сделала. Но так как возможности были исчерпаны, она пожелтела.

«Ты уверена, что у тебя нет горячки, Досс? Похоже на то. Иди и ложись в постель, – сказала она с тщательно выверенной тревогой, – а я приду и натру тебе лоб и шею мазью Редферна».

Валенси уже была у двери, но обернулась. «Я не хочу натираться мазью Редферна», – сказала она.

Кузина Стиклз уставилась на нее и выдохнула: «Что? Что ты сказала?»

«Я сказала, что не хочу натираться мазью Редферна, – повторила Валенси. – Этой ужасной, липкой мазью. И у нее самый гадкий запах из всех прочих. Ничего в ней нет хорошего. Я хочу побыть одна, вот и все».

Валенси вышла, лишив кузину Стиклз дара речи.

«У нее горячка, как есть, горячка», – пробормотала та.

Миссис Фредерик продолжала есть свой ужин. Не имело значения, горячка у Валенси или нет. Дочь была виновна в дерзости.

Глава VIII

Валенси не спала в эту ночь. Долгие часы она лежала без сна в темноте и думала, думала. Она сделала удивительное открытие: почти всего боясь в жизни, она не боялась смерти. Смерть не казалась ужасной. И отныне ей не нужно страшиться всего прочего. Почему она так боялась? Из-за жизни. Боялась дяди Бенджамина из-за угрозы нищеты в старости. Но теперь ей не быть ни старой, ни отвергнутой, ни терпящей. Боялась на всю жизнь остаться старой девой. Но теперь это не продлится долго. Боялась обидеть мать и семейный клан, потому что должна жить с ними и среди них, а сохранять мир, если не поддаваться им, невозможно. Но теперь ей все это не нужно. Валенси охватило неведомое чувство свободы.

Но она все еще страшилась суматохи, которую устроит ее суетливая родня, если рассказать им. Валенси содрогнулась от одной только мысли. Ей не вынести этого. О, она прекрасно представляла, как все будет. Сначала негодование, да, негодование со стороны дяди Джеймса, потому что она сходила к какому-то врачу, не проконсультировавшись с НИМ. Мать будет возмущаться, что она столь хитра и лжива – «по отношению к твоей собственной матери, Досс». Негодование со стороны всего клана, потому что она не обратилась к доктору Маршу.

Затем наступит время озабоченности. Ее поведут к доктору Маршу, а когда тот подтвердит диагноз доктора Трента, ее отправят к специалистам в Торонто и Монреаль. Дядя Бенджамин подпишет чек – великолепный жест щедрости в помощь вдове и сироте, – и будет вечно рассказывать о шокирующих суммах, которые требуют специалисты за свой мудрый вид и сожаления, что ничего не могут поделать. А когда врачи окажутся бессильны, дядя Джеймс вынудит ее принимать фиолетовые пилюли, – «Я знаю, они помогают, когда *все* доктора опускают руки», – мать заставит принимать красную настойку Редферна, а кузина Стиклз – каждый вечер втирать мазь Редферна в область сердца, утверждая, что это *должно* помочь и *не может* повредить, и все хором будут потчевать ее советами и лекарствами. Придет доктор Столлинг и важно скажет: «Ты очень больна. Готова ли ты встретить то, что тебе предстоит?» – все равно, что покачает перед нею своим пальцем, который с годами не стал более коротким или менее корявым. За нею станут наблюдать и проверять, словно ребенка, не позволят ничего делать и никуда выходить одной. Возможно, даже не разрешат спать в одиночестве, опасаясь, что она может умереть во сне. Кузина Стиклз или мать настоят на том, чтобы ночевать в ее комнате и постели. Да, без сомнения, так и будет.

Именно последняя мысль переполнила чашу. Она не могла смириться с этим и не станет. Когда часы внизу пробили полночь, Валенси приняла внезапное и окончательное решение, что никому ничего не расскажет. С тех пор как она могла себя помнить, ей всегда говорили, что следует скрывать свои чувства. «Для леди недостойно иметь чувства», – однажды с упреком сказала кузина Стиклз. Что ж, она скроет их, с лихвой исполнив этот наказ.

Она не боялась смерти, но не была безразлична к ней. Она обнаружила, что *негодует* от несправедливости умереть, так и не пожив по-настоящему. Возмущение пылало в ее душе в эти ночные часы не потому, что у нее не было будущего, а потому, что не было прошлого.

«Я – нищая, некрасивая, невезучая, и я на пороге смерти», – думала она. Она представила свой собственный некролог в еженедельной газете Дирвуда, скопированный в журнал Порт Лоуренса. «Глубокая скорбь охватила весь Дирвуд и так далее...» ... «оставив круг друзей в скорби, и так далее...» ... ложь, ложь, все ложь. Скорбь, как же! Никто не будет сожалеть. Ее смерть для них не стоит и ломаного гроша. Даже мать не любит ее – мать, разочарованная, что она не родилась мальчиком, или, по крайней мере, хорошенькой девочкой.

Между полночью и ранним весенним восходом Валенси перелистала всю свою жизнь. Унылое существование, в течение которого иногда происходили события, кажущиеся на пер-

вый взгляд мелочами, но, на самом деле, немаловажные. Все они, так или иначе, были безрадостны. С Валенси никогда не случалось ничего по-настоящему хорошего.

«У меня не было в жизни ни одного полностью счастливого часа, ни одного, – думала она. – Я – бесцветное пустое место. Помню, где-то читала однажды, что бывает в жизни один час счастья, испытыв которое, женщина может быть счастлива всю жизнь, если ей повезет. Я так и не встретила свой час, никогда, никогда. И уже не встречу. Если бы у меня был такой час, я была бы готова умереть».

Эти знаковые случаи без какой-либо последовательности по времени или месту, как непрошенные призраки, крутились в ее голове. Например, когда ей было шестнадцать, она слишком подсинила белье в корыте. А в восемь «украдала» клубничный джем из кладовки тети Веллингтон. Валенси уже и не надеялась, что наступит конец упоминаниям об этих двух проступках. Почти на каждой встрече клана они возвращались к ней в виде семейных шуток. Дядя Бенджамин никогда не упускал возможности пересказать историю с клубничным джемом – именно он поймал её, всю перепачканную вареньем.

«Я совершила так мало дурных поступков, что им приходится без конца твердить об одних и тех же, – думала Валенси. – Почему я никогда ни с кем не поссорилась? У меня нет врагов. Что я за бесхребетное существо, не имеющее хотя бы одного врага!»

Когда ей было семь, и она училась в школе, произошла история с горкой песка. Валенси всегда вспоминала ее, когда доктор Столлинг обращался к цитате: «Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет»⁷. Некоторые озадачивались значением этих слов, но для Валенси их смысл был всегда ясен. Ее отношения с Олив, начиная с той истории, объясняли его.

Она ходила в школу уже целый год, когда Олив, будучи младше ее, только что поступила и получила всеобщее восхищение в качестве «новенькой» и исключительно симпатичной девочки. Все произошло на перемене, когда девочки, старшие и младшие, играли на дороге перед школой, строя горки из песка. Целью для каждой было построить самую большую горку. У Валенси это хорошо и искусно получалось, и она втайне надеялась победить. Но оказалось, что у Олив, которая закончила работу, горка больше, чем у остальных. Валенси не завидовала ей. Ей нравилась своя достаточно большая горка. Затем на одну из старших девочек снизошло вдохновение.

«Давайте сложим наши горки на горку Олив и сделаем одну огромную», – воскликнула она.

Девочки с восторгом подхватили идею. Они набросились на свои горки с ведерками и совками, и через несколько секунд горка Олив превратилась в настоящую пирамиду. Валенси, раскинув перепачканные руки, тщетно пыталась защитить свою горку. Ее беспощадно оттолкнули, а горку разрушили и высыпали на пирамиду Олив. Валенси решительно отошла в сторону и начала строить другую. И снова старшая девочка накинулась на нее. Валенси стояла, пылающая, возмущенная, раскинув руки в стороны.

«Не трогай ее, – умоляла она. – Пожалуйста, не трогай».

«Но *почему?* – потребовала та. – Почему ты не хочешь помочь Олив построить большую горку?»

«Я хочу свою собственную, маленькую», – жалобно ответила Валенси. Ее мольбы были бесполезны. Пока она спорила, другая девочка сгребла ее горку. Валенси отвернулась, сердце ее утешенно билось, глаза были полны слез.

«Ты завидуешь... завидуешь!», – смеялись над ней девочки.

«Ты очень эгоистична», – холодно сказала мать, когда вечером Валенси рассказала ей обо всем. Это был первый и последний раз, когда она поделилась с матерью своими невзгодами.

⁷ Цитата из Евангелия от Матвея 13:12

Валенси не была ни завистлива, ни эгоистична. Она просто хотела свою горку из песка – неважно, маленькую или большую. По улице прошли лошади, пирамида Олив рассыпалась по дороге, прозвенел звонок, девочки побежали в школу и позабыли всю историю прежде, чем уселись за парты. Валенси никогда не забывала ее. Она всегда негодовала в глубине души. И разве эта история не была символична для ее жизни?

«Я никогда не могла получить свою собственную горку песка», – думала она.

Однажды осенью, когда ей было шесть, Валенси увидела огромную красную луну, поднимающуюся прямо в конце улицы. Ей стало плохо и холодно от жуткого сверхъестественного страха. Так близко. Такая большая. Она, дрожа, побежала к матери, а та посмеялась над ней. Валенси легла спать, спрятавшись под одеялом, в ужасе, что, если посмотрит в окно, увидит эту жуткую луну, глазающую на нее.

Мальчик, пытавшийся поцеловать ее на вечеринке, когда ей было пятнадцать. Она не позволила, оттолкнула его и убежала. Он был единственным мальчиком, который когда-либо пытался ее поцеловать. Теперь, спустя четырнадцать лет, Валенси поняла, что хотела бы разрешить ему.

Однажды ее заставили извиниться перед Олив за то, чего она не делала. Олив сказала, что Валенси толкнула ее в грязь и *намеренно* испортила ее новые туфли. Валенси знала, что это не так. Все произошло случайно и даже не по ее вине, но никто ей не поверил. Пришлось извиниться и поцеловать Олив, чтобы «помириться». Несправедливость того случая горела в тот вечер в ее душе.

То лето, когда Олив купили самую красивую шляпку, с кремово-желтой вуалью, венком красных роз и узкими лентами, завязывающимися под подбородком. Валенси больше всего на свете хотела такую же. Она умоляла купить шляпку и ей, а над ней лишь смеялись, и все лето ей пришлось носить ужасную коричневую соломенную шляпу с низкой тульей и плоскими полями, с резинкой, которая резала за ушами.

Никто из девочек не гулял с нею, потому что она выглядела так убого – никто, кроме Олив. Все считали, что Олив очень мила и бескорыстна. «Я была отличным фоном для нее, – думала Валенси. – Уже тогда она понимала это».

Однажды Валенси пыталась выиграть награду за посещение Воскресной школы без пропусков. Но ее выиграла Олив. Слишком часто по воскресеньям из-за простуд Валенси приходилось оставаться дома. Однажды в школе в один из пятничных дней она пыталась продеklamировать отрывок, но сбилась. Олив была прекрасным чтецом и никогда не сбивалась.

Вечер, проведенный в Порт Лоуренсе в гостях у тети Изабель, когда Валенси было десять. Там же гостил Байрон Стирлинг, самодовольный хитроумный двенадцатилетний мальчик. Во время утренней молитвы он подошел и ущипнул Валенси за худенькую руку так, что та вскрикнула от боли. После молитвы тетя Изабель сделала ей выговор. Но, когда Валенси пожаловалась, что Байрон ущипнул ее, тот отказался признаться. Он сказал, что она вскрикнула, потому что ее царапнул котенок. Заявил, что она положила котенка на свой стул и играла с ним, в то время как должна была слушать проповедь дяди Дэвида. Ему *поверили*. В клане Стирлингов мальчикам, в отличие от девочек, всегда верили. Валенси с позором отправили домой из-за ее исключительно дурного поведения во время семейной молитвы и с тех пор очень долго не приглашали к тете Изабель.

Замужество кузины Бетти Стирлинг. Валенси случайно узнала, что та собирается попросить ее стать одной из подружек. Валенси втайне сияла. Как славно было бы побыть подружкой невесты. И конечно, ей пришлось бы сшить новое платье, новое красивое розовое платье. Бетти хотела, чтобы подружки были одеты в розовое.

Но Бетти не пригласила ее. Валенси не могла понять почему, но много времени спустя, когда тайные слезы разочарования уже высохли, ей все поведала Олив. Бетти, после долгих совещаний и колебаний, решила, что Валенси слишком незначительна – она могла бы «испор-

тить эффект». Это произошло девять лет назад. Но и сегодня Валенси задержала дыхание от укола старой обиды.

Когда ей было одиннадцать, мать заставила ее признаться в том, чего она не совершала. Валенси долго отрицала, но в конце концов, ради сохранения спокойствия, сдалась и признала себя виновной. Миссис Фредерик имела обыкновение вынуждать людей лгать, ставя их в положение, когда им *приходилось* это делать. Затем мать приказала ей встать на колени в гостиной, между собой и кухней Стиклз, и произнести: «Боже, прости меня за то, что я не сказала правду». Валенси повторила эти слова, но, поднявшись с колен, прошептала: «Но, Боже, *ты* же знаешь, что я сказала правду». Валенси тогда еще не слышала о Галилео, но в их судьбах имелось что-то общее. Наказание было жестоким даже после того, как она созналась и помолилась.

В одну из зим она пошла в школу танцев. Дядя Джеймс решил, что ей следует посещать ее и заплатил за уроки. Как она ждала! И как возненавидела эту школу! У нее никогда не оказывалось партнера, который хотел бы танцевать с нею. Учителю всегда приходилось вызывать какого-либо мальчика ей в пару, и обычно тот бывал недоволен. Хотя Валенси хорошо танцевала, будучи легкой, как пушинка. Олив, которая никогда не имела недостатка в партнерах, была тяжеловата.

Случай с пуговичной нитью, когда ей было десять. У всех девочек в школе имелись пуговичные нити. У Олив была самая длинная с множеством красивых пуговиц. Была нить и у Валенси – большинство пуговиц простых, но шесть чудесных, со свадебного платья бабушки Стирлинг, сверкающих золотом и стеклом, намного красивее, чем у Олив. Обладание ими давало Валенси некоторое преимущество. Она знала, что каждая девочка в школе завидует, что у нее есть такие прекрасные пуговицы. Когда Олив увидела их на ее пуговичной нити, то лишь коротко взглянула, но ничего не сказала. На следующий день тетя Веллингтон пришла на улицу Вязов и сообщила миссис Фредерик, что считает, что у Олив должно быть несколько таких пуговиц – бабушка Стирлинг более приходилась матерью Веллингтонам, чем Фредерикам. Миссис Фредерик дружелюбно согласилась. Она не могла позволить себе ссору с тетей Веллингтон. Более того, дело не стоило и выеденного яйца. Тетя Веллингтон забрала четыре пуговицы, щедро оставив Валенси две. Та сорвала их с нити и бросила на пол – её еще не научили, что леди не имеют чувств, – и за этот поступок была отправлена в кровать без ужина.

Вечеринка у Маргарет Блант. Валенси так старалась, чтобы хорошо выглядеть в тот вечер. Там должен был присутствовать Роб Уолкер, а парой дней раньше, у дяди Герберта на Мистависе, на веранде, освещенной лунным светом, Роб, как ей показалось, заинтересовался ею. У Маргарет Роб даже не пригласил ее потанцевать – совсем не замечал ее. Она, как обычно, простояла у стены. Конечно, это произошло много лет назад. В Дирвуде давно забыли, что Валенси не приглашали танцевать. Но она помнила все то унижение и разочарование. Ее лицо пылало в темноте, когда она вспоминала себя, стоящую там, с уложенными в жалкую прическу редкими волосами и щеками, которые щипала целый час, пытаясь придать им румянец. А все закончилось нелепыми разговорами о том, что Валенси Стирлинг нарумянилась на вечеринку. В те дни в Дирвуде этого было достаточно, чтобы навсегда испортить репутацию. Но не повредило репутации Валенси, даже не затронуло ее. Все и так знали, что *она* не может, как ни пытайся, быть легкомысленной, и просто посмеялись над ней.

«Моя жизнь всегда была второсортной, – пришла к выводу Валенси. – Все великие жизненные потрясения прошли мимо. У меня никогда не было даже горя. И любила ли я кого-нибудь по-настоящему? Разве я люблю свою мать? Нет. Это правда, какой бы постыдной она ни казалась. Я не люблю ее и никогда не любила. А что еще хуже, она мне даже не симпатична. Поэтому я и представления не имею, что значит любить. Моя жизнь была пуста... пуста. Нет ничего хуже пустоты. Ничего!» Валенси страстно и громко произнесла последнее «ничего». Застонала и на время перестала думать о чем-либо. Ее настиг один из приступов боли.

Когда он прошел, что-то произошло с Валенси – возможно, наступила кульминация всего, о чем она передумала, с тех пор как получила письмо доктора Трента. Было три часа утра, самое мудрое и проклятое время на часах. Но иногда оно дарит свободу.

«Я всю жизнь пыталась угождать людям и потерпела крах, – сказала она. – Теперь я буду угождать себе. Никогда больше не стану притворяться. Я всю жизнь дышала атмосферой фантазий, притворства и уверток. Какой роскошью будет говорить правду! Возможно, я не смогу сделать все, что хочу, но я не стану делать то, чего не хочу. Мама может дуться неделями, не буду беспокоиться об этом. Отчаяние – это свобода, надежда – рабство».

Валенси встала и оделась с возрастающим ощущением освобождения. Закончив укладывать волосы, она открыла окно и вышвырнула банку с травами на соседский участок. Та победно грохнулась прямо на «Цвет лица школьницы» на стене старых мастерских.

«Меня тошнит от запаха мертвечины», – сказала Валенси.

Глава IX

Серебряная годовщина венчания дяди Герберта и тети Альберты в семействе Стирлингов в течение последующих недель деликатно вспоминалась как «момент, когда мы впервые заметили, что бедняжка Валенси... стала... немного... ну, *вы* понимаете?»

Никто из Стирлингов, разумеется, не высказал вслух и тем более первым, что Валенси слегка повредила рассудком или что ее разум в небольшом беспорядке. Когда дядя Бенджамин воскликнул: «Она чокнутая, говорю я вам, она чокнутая!», все посчитали, что он зашел слишком далеко. Он был прощен лишь из-за возмутительного поведения Валенси на вышеуказанном торжестве.

Однако миссис Фредерик и кузина Стиклз еще *до* ужина заметили кое-что, встревожившее их. Все, разумеется, началось с розового куста, и с тех пор Валенси уже не была «в порядке». Казалось, она совсем не переживала из-за молчания матери. Более того, она вовсе не замечала его. Отказалась принимать фиолетовые таблетки и микстуру Редферна. Холодно объявила, что более не намерена откликаться на имя Досс. Заявила кузине Стиклз, что хотела бы, чтобы та перестала носить брошь с волосами покойной кузины Артемас Стиклз. Передвинула кровать в своей комнате в другой угол. Читала *Магию крыльев* воскресным днем. Когда кузина Стиклз упрекнула ее, она ответила: «Ах, а я и позабыла, что сегодня воскресенье», и *продолжила чтение*.

Кузина Стиклз стала свидетелем вопиющего поступка Валенси – увидела, как та съезжает по перилам. Кузина Стиклз не рассказала об этом миссис Фредерик – бедняжка Амелия была и так достаточно расстроена. Но каменное молчание миссис Фредерик рухнуло после декларации Валенси, сделанной ею в субботу вечером – о том, что она не собирается посещать англиканскую церковь.

«Больше не пойдешь в церковь? Досс, ты совсем отказываешься...»

«Нет, я буду ходить в церковь, – легко ответила Валенси. – В пресвитерианскую. Но в англиканскую не стану».

Что было еще хуже. Обнаружив, что возмущенное величие больше не срабатывает, Миссис Фредерик обратилась к слезам.

«Что ты имеешь против англиканской церкви?» – простонала она.

«Ничего, кроме того, что ты вечно заставляла меня ходить туда. Если бы то была пресвитерианская церковь, я бы пошла в англиканскую».

«Разве хорошо говорить такие вещи своей матери? О, как верны слова, что иметь неблагодарное дитя хуже укуса ядовитой змеи».

«А разве хорошо говорить такие вещи своей дочери?» – спокойно спросила Валенси.

Поэтому поведение Валенси на серебряной свадьбе для миссис Фредерик и Кристин Стиклз не стало таким уж сюрпризом, как для всех остальных. Они даже сомневались, разумно ли брать ее туда, но в конце концов решили, что, если оставить ее дома, «пойдут разговоры». Может быть, она повела бы себя, как обычно, и никто из посторонних не заподозрил бы, что с нею что-то не так. По особой милости Провидения в воскресное утро хлынул ливень, поэтому Валенси не осуществила свою угрозу отправиться в пресвитерианскую церковь.

Валенси вовсе не переживала бы, оставь они ее дома. Все семейные торжества отличались безнадежной скукой. Но Стирлинги праздновали все события, которые можно было отпраздновать. Это стало укоренившейся традицией. Даже миссис Фредерик давала обед по поводу годовщины свадьбы, а кузина Стиклз приглашала подруг на именинные ужины. Валенси ненавидела эти развлечения, потому что после них приходилось неделями скупиться, экономить и изобретать, как расплатиться за них. Но ей хотелось пойти на эту серебряную свадьбу. Дядя Герберт обидится, если она не придет, а она хорошо относилась к дяде Герберту. Кроме того,

ей хотелось взглянуть на своих родственников под иным углом. Отличное время и место, чтобы озвучить свою декларацию о независимости, если представится случай.

«Надень свое коричневое шелковое платье», – сказала миссис Стирлинг.

Как будто Валенси могла надеть что-то другое! У нее имелось лишь одно нарядное платье – шелковое, табачного цвета, подарок тети Изабель. Тетя Изабель раз и навсегда постановила, что Валенси не следует носить разноцветные вещи. Они ей не идут. В юности ей позволяли носить белое, но в последние годы этот вопрос был негласно закрыт. Валенси надела это платье с глухим воротом и длинными рукавами. У нее никогда не было наряда с низким вырезом и рукавами до локтей, хотя такие носили даже в Дирвуде уже более года. Но она не стала укладывать волосы в обычном стиле помпадур. Завязала их узлом на затылке и спустила по бокам на уши.

Она подумала, что такая прическа пойдет ей – только узел получился слишком маленьким. Миссис Фредерик возмутилась из-за прически, но лишь про себя, решив, что сейчас разумнее промолчать. Важно, чтобы Валенси оставалась в хорошем настроении и, если возможно, до конца вечера. Миссис Фредерик и не заметила, что впервые в жизни подумала о необходимости хорошего настроения у Валенси. Но ведь до сих пор та никогда не бывала «странной».

По пути к дяде Герберту – миссис Фредерик и кузина Стиклз шли впереди, а Валенси смиренно семенила следом – мимо проехал Ревущий Абель. Пьяный, как обычно, но еще не в ревущей стадии. Но достаточно нетрезвый, чтобы быть сверх меры вежливым. Жестом монарха, приветствующего своих подданных, он приподнял свою потрепанную клетчатую кепку, а затем отвесил глубокий поклон. Миссис Фредерик и кузина Стиклз не осмеливались портить отношения с Ревущим Абелем. Он был единственным человеком в Дирвуде, который мог выполнить для них плотницкие и ремонтные работы, когда это требовалось, поэтому его не следовало обижать. Но они ответили лишь сухими короткими кивками. Ревущий Абель должен знать свое место.

Валенси, идущая за ними, совершила поступок, который они, к счастью, не заметили. Она весело улыбнулась и помахала рукой Ревущему Абелю. Почему нет? Ей всегда нравился этот старый грешник. Веселый, яркий, бесстыжий негодник, противостоящий скучной респектабельности Дирвуда и его традициям, словно красный революционный флаг протеста. Всего несколько дней назад Абель проехал через Дирвуд ночью, выкрикивая во все горло проклятья своим громоподобным голосом, который был слышен за мили, и пустил свою лошадь бешеным галопом, проезжая по чопорной порядочной улице Вязов.

«Вопя и богохульствуя, словно дьявол», – с содроганием вспомнила за завтраком кузина Стиклз.

«Не понимаю, почему Божий суд так долго не обрушивается на такого человека», – недовольно сказала миссис Фредерик, видимо, считая Провидение слишком медлительным и нуждающимся в напоминаниях.

«Однажды утром его найдут мертвым – он упадет под копыта своей лошади и будет затоптан насмерть», – заверила кузина Стиклз.

Валенси, разумеется, промолчала, но про себя подумала, не были ли периодические пьянки Ревущего Абеля тщетным протестом против бедности, тяжелого труда и монотонности жизни. Она погружалась в мечты о Голубом Замке. Ревущий Абель, не имея воображения, не мог этого сделать. *Его* побег из реальности должны были быть конкретными. Поэтому сегодня она помахала ему рукой с внезапным дружеским чувством, а он, не настолько пьяный, чтобы потерять способность удивляться, чуть не свалился от изумления с седла.

К этому моменту они достигли Кленового бульвара и дома дяди Герберта, большого претенциозного здания, украшенного бессмысленными эркерами и вычурными балконами. Дом, похожий на глупого, преуспевающего, самодовольного человека с бородавками на лице.

«Это не дом, – важно заметила Валенси, – а просто кошунство».

Миссис Фредерик содрогнулась до глубины души. Что такое сказала Валенси? Богохульство? Или просто какую-то чушь? Трясущимися руками она сняла шляпу в комнате для гостей и сделала еще одну слабую попытку предотвратить катастрофу. Она задержала Валенси, пока кузина Стиклз спускалась вниз.

«Попробуй не забывать, что ты леди», – умоляющим голосом попросила она.

«О, если бы была хоть какая-то надежда забыть об этом!» – устало ответила Валенси.

Миссис Фредерик подумала, что не заслужила такого от Провидения.

Глава X

«Благослови эту пищу, что мы едим, и благослови нас на служение Тебе», – торопливо сказал дядя Герберт. Тетя Веллингтон нахмурилась. Она всегда считала молитвы Герберта слишком короткими и «легкомысленными». Молитва, чтобы быть молитвой, должна, по мнению тети Веллингтон, продолжаться по меньшей мере минуты три и произноситься выпрененным тоном, чем-то меж стоном и речью. В знак протеста она держала голову склоненной чуть дольше, чем все остальные. Когда она позволила себе выпрямиться, то увидела, что Валенси смотрит на нее. Позже тетя Веллингтон утверждала, что именно в тот момент поняла, что с Валенси что-то не так. В ее странных раскосых глазах – «мы должны были подозревать, что у девушки с такими глазами есть какой-то *изъян*» – мерцали насмешка и удовольствие, словно Валенси смеялась над *нею*. Разумеется, такое было бы невероятно. Тетя Веллингтон тотчас отбросила эту мысль прочь. Валенси развлекалась. Никогда прежде семейное собрание не доставляло ей столько удовольствия. На приемах, как и в детских играх, она всегда была лишь «дополнением». В семействе ее считали слишком скучной. Она не владела никакими светскими уловками. Более того, привычка искать укрытия от скуки семейных вечеринок в своем Голубом замке вела к рассеянности, что укрепляло ее репутацию тусклой и пустой особы.

«В ней отсутствует светское обаяние», – раз и навсегда постановила тетя Веллингтон. Никто бы и не подумал, что Валенси просто-напросто немела в их присутствии, оттого что боялась их. Но больше она не боялась. Кандалы спали с ее души. Она была готова высказаться, если представится случай. И она позволила себе такую свободу мысли, на какую прежде никогда бы не осмелилась. Она действовала с тем же шальным внутренним торжеством, с каким дядя Герберт разрезал индейку. Дядя Герберт взглянул на Валенси во второй раз за день. Будучи мужчиной, он не понял, что она сотворила со своими волосами, но, к собственному удивлению, подумал, что Досс не так уж дурна, и положил добавку белого мяса в ее тарелку.

«Какой гриб самый опасный для красоты юной леди?» – провозгласил дядя Бенджамин, чтобы начать разговор – «чуть расслабиться», – как он говорил.

Валенси, чьей обязанностью было спросить: «И какой же?», промолчала, поэтому дяде Бенджамину пришлось выдержать паузу, ответить «грусть»⁸ и понять, что загадка провалилась. Он возмущенно взглянул на Валенси, которая никогда прежде его не подводила, но та, казалось, даже не заметила этого. Она оглядывалась вокруг, безжалостно изучая участников тоскливого собрания существ разумных, и забавлялась, с беспристрастной улыбкой наблюдая за их мелкой суетой. Этих людей она всегда почитала и боялась. Теперь она смотрела на них другими глазами.

Крупная, не лишенная способностей, высокомерная многословная тетя Милдред всегда считала себя самой умной в семье; своего мужа – чуть ли не ангелом, а детей – диковинами. Разве не у ее сына, Говарда, уже в одиннадцать месяцев прорезались все зубы? И не она ли могла дать наилучший совет насчет всего на свете, от приготовления грибов до ловли змей? Но как же она была скучна! И какие ужасные родинки у нее на лице!

Кузина Глэдис, которая всегда восхваляла своего сына – того, что умер молодым, и всегда ссорилась с тем, который был жив. Она страдала от неврита или от того, что называла невритом. Он передвигался от одной части ее тела к другой. Он был весьма удобен. Если кто-то хотел, чтобы она куда-нибудь сходила, неврит наступал на ее ноги. А едва требовались какие-то умственные усилия, неврит тотчас посещал ее голову. «Вы же не можете думать

⁸ Загадка построена на игре слов – *груздь* и *грусть* (в оригинале – *time* (время) и *thyme* (тимьян) – омофоны, то есть имеют одинаковое звучание).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.